

Пленарное заседание

брано по размеру и припрятано» (гл. 30). И всюду упоминаются «добрый человек и добрая жена хозяйственные, смысленные и разумные, благорассудные» и то, что «доброго хозяина и доброй жены никогда и ни в чем недостаток не прихватит» (гл.44). Если будет следовать установлениям «Домостроя»!

В своем обращении к сыну Сильвестр призывает его «чего сам не любишь, того и другому не делай... каждому просящему у тебя подай». Он вспоминает, что «всю жизнь пленных и должников из рабства выкупал», «рабов своих всех освободил и на свободу пустил... и все те наши рабы свободны, богатыми домами живут», «не познал я другой жены, кроме матери твоей». Особо просит быть верным христианином, но «не всякому духу верить».

В XIX веке «Домострой» подвергся резкой критике и со стороны славянофилов, которые упрекали его за недостаточную религиозность, и западников – за «скопидомство и семейное рабство». Однако пришло время снять эти обвинения с замечательного памятника древнерусской литературы, где так ярко видна сила и крепость древнерусской женщины, принявшей участие в его создании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века/Домострой. Подготовка текста, перевод и комментарии В.В. Колесова. – М.: Художественная литература, 1985. – С. 580.
2. История женщин на Западе. Том 2. Молчание Средних веков. – СПб.: Алетейя. 2009. – С.134.
3. Там же. С. 119.
4. Там же. С. 146.
5. Там же. С. 136.
6. Там же. С. 125.
7. «Домострой»/Вступ. ст., сост., коммент. В.В. Колесова. – М.: Художественная литература, 1991. – С.135.
8. Там же. С. 136.
9. Там же. С. 125-126.
10. Там же. С. 134, 138.
11. Владимир Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т.3. – М.,1980. – С. 24.
12. «Домострой». – М., 1985. – С. 75.
13. Там же. С. 76.
14. Библия. Книга притчей Соломоновых. Гл. 13, 1, 25. – М.: Издание Московской патриархии, 1968.
15. «Домострой», 1985. С. 85, 87.
16. Там же. С. 103.
17. Бердяев, Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1989. – С.9.
18. «Домострой». 1991. С. 41.
19. Там же. С. 47.
20. Там же. С. 66.

В.А. Маслова

«СВОЙ» И «ЧУЖОЙ» - ВАЖНЕЙШАЯ ОППОЗИЦИЯ В ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Противопоставление «свой» – «чужой» – важнейшее не только как общечеловеческое, но и как общебиологическое: его знает все живое, даже растения («биоценоз»), но именно у человека оно становится фактом культуры: мифа, ритуала, обряда, фольклора, а позже – литературы. Это – базовая архетипическая оппозиция для многих культур. Суть человеческого мышления заключается в упорядочивании, категоризации мира при помощи бессознательных структур – бинарных оппозиций, которые задают универсальную логику мышления [1, с. 173].

Культурологическая оппозиция «свое – чужое» строит мир, цементирует культуру. С данной оппозицией переплетается понятие этничности, в которой реализуется оппозиция «свой – чужой». Происходит это на разных уровнях: 1) гендерной принадлежности (мужчина vs. женщина); 2) генетического родства (родственники vs. неродственники); 3) расовой (этнической) принадлежности (белые vs. черные, гражданин vs. иммигрант); 4) социальной иерархии (начальник vs. подчиненный, социально успешный vs. неуспешный); 5) религиозной принадлежности (католики vs. протестанты); 6) локальности (городской vs. сельский); 7) политической принадлежности (правящая партия vs. оппозиция).

Различия между культурами формируют этнические предубеждения во многих сферах жизни людей, четко проводя грань между «своей» и «чужой» в каждой культуре. Культурологический признак «свое vs. чужое» – один из базовых параметров отделения себя от других в любой социальной группе. Например, в славянской культуре «чужому» приписываются такие качества как инакость, различные физические аномалии, чернота тела, неприятный запах, людоедство, колдовство и т.д. Вместе с тем, суще-

Пленарное заседание

ствуют специальные обряды, в которых наблюдается своеобразная сакрализация «чужого», инородца или иноверца [2, с. 25].

Традиция отделения себя от других существует с тех пор, как люди стали различать друг друга по цвету кожи и другим физическим характеристикам, языку, традициям и привычкам. Ю.М. Лотман по этому поводу пишет, что «пространство, которое определяется как «наше», «свое», «культурное», «безопасное», противостоит «их-пространству», «чужому», «враждебному», «опасному», «хаотическому». (...) Всякая культура начинается с разбиения мира на внутреннее («свое») пространство и внешнее («их»). Как это бинарное разбиение интерпретируется – зависит от типологии культуры. Однако само такое разбиение принадлежит к универсалиям. Граница может отделять живых от мертвых, оседлых от кочевых, город от степи, иметь государственный, социальный, национальный, конфессиональный или какой-либо иной характер» [3, с. 175]. Ю.М. Лотман характеризует понятие границы как двусмысленное, так как граница и разделяет, и объединяет. Граница необходима обоим граничащим культурам, и никакое «мы» не может существовать без «они» [3, с. 191].

Н.Д. Арутюнова утверждает, что мир современного человека двойственен: он распадается на чуждый мир и «свой». *Чужой* безграничен, *свой* конечен и исчислим. Данный культурологический признак закреплен в семантике многих языковых единиц. Ю.С. Степанов: «противопоставление «свои – чужие» пронизывает, в разных видах, всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения. Мы должны говорить здесь не только о действительном, объективно существующем различии людей по линии «свои – чужие», но и о тех мифологизированных, а подчас и просто фантастических формах, которые это различие приобретает в их сознаниях. А эта сфера, «свои – чужие», – как раз такая, где само противопоставление создается не только объективными данными, но и субъективным отражением в сознании» [4, с. 472].

По мнению Ю.С. Степанова, «свой» является одним из главных концептов любого народа. Человек *без роду-племени* – это человек одинокий, без «своих». Как утверждают А. Бирих, В. Мокиенко и Л. Степанова, *род* – это ближайшие родственники, а *племя* – дальние.

Понятие «свой» первоначально связано с осознанием кровного родства (это содержалось и в приведенном лексическом токовании слова «свой») некоторой группой людей (принадлежащих к роду, клану), в пределах которой человек одновременно осознает себя свободным от рождения, свободным по рождению и противопоставляет себя «другим» – чужим, врагам, рабам. Таким образом, понятия «свой» и «свободный человек» исконно связаны [5, с. 135-136]. В противопоставлении *своих* и *чужих*, согласно академику Ю.С. Степанову, можно выделить следующие элементы:

– *этнический компонент* — разделение на этносы, соответствующее языковым группам (славяне, германцы, кельты, итальянцы и т.д.). Дальнейшая история концепта протекает уже в рамках языковых данных;

– *национальный компонент*, включающий в себя следующие признаки: общность языка, территории, экономической жизни, менталитета, вероисповедания, исторического прошлого, культуры. Такое разделение уместно, когда идет речь о народе как совокупности граждан одного государства.

Исследователи утверждают, что присущая всем членам того или иного культурного сообщества оппозиция «свой — чужой» представляет собой «когнитивно значимое противопоставление двух существенных для социальной перцепции факторов», дающее возможность «описывать результаты познавательной деятельности в процессе и первичной, и вторичной социализации индивида» [6, с. 310]. Данная оппозиция является аксиологической категорией и связана с полем оценочности языка, так как нацелена на спланирование «своих» и борьбу с «чужими». Как известно, поле оценочности включает разнообразные языковые средства, служащие для выражения отношения говорящего к объекту речи в широком диапазоне, соотносимом с противоположными полюсами на шкале оценочности [7, с. 12].

Свой – значит, родной, дорогой, любимый. Главное положение, установленное Э. Бенвенистом на материале анализа индоевропейских слов, заключается в том, что понятие «Свой» первоначально является осознанием кровного родства некоторой группы людей (рода, клана), в пределах которой человек одновременно ощущает себя свободным от рождения, свободным по рождению и противопоставляет себя другим – чужим, врагам, рабам. Индоевропейская основа *swe (прослеживается и в слове «свой») входит в древние составные слова: *swe-sor (сестра), *swe-kru (свекровь) и др. Здесь следует отметить примечательную особенность терминов родства с основой *swe: все они относятся к родству в силу породнения, к свойству, а не к кровному родству (*сват, свояк, свояченица*) [8, с. 361].

Если обратиться к производным от основы *swe в целом, то мы замечаем, что они группируются вокруг двух понятийных признаков. С одной стороны, *swe предполагает принадлежность к целой группе «своих», с другой стороны, *swe конкретизирует «себя» как индивидуальность. Понятие *swe не ограничивается говорящим лицом, оно предполагает в исходной точке узкую группу людей, как бы сгруппированную вокруг «своего».

Пленарное заседание

Таким образом, по Э. Бенвенисту, корень *свой* широко распространен у терминов свойства, родства в силу породнения: *сват, свояк, свекровь, свекор, свойственник* и других, а слова *себя – свой – свобода* – это одно этимологическое гнездо, хотя в настоящее время носитель языка не осознает их родственности.

Если рассматривать единое семантическое значение лица как способ отображения и хранения знаний, информации, связанной с характеристикой и деятельностью человека, то нельзя не согласиться с А.А. Уфимцевой, которая относит наименования лиц к той лексике, которая хранит в своих значениях «знания первого эшелона».

Основываясь на значении лексемы «свой» (*Родной, связанный близкими отношениями, совместной деятельностью*), мы сочли возможным выделить следующие семантические группы: 1) родственники (*брат, мать, отец, дед*), 2) свойственники (*сват, сноха, свекровь*), 3) духовно близкие люди (*друг, товарищ, приятель*), 4) люди, близкие по совместной деятельности, которая может быть длительной (*коллега, сотрудник, сослуживец, собутыльник*), или кратковременной (*попутчик, союзник, собеседник*), 5) по месту рождения или проживания (*сосед, сородич, земляк, соотечественник*), 6) по возрасту и единству во времени проживания (*современник, одноклассник, ровесник*).

Выделив по одному-двум словам из каждой семантической группы, с помощью двухтомного «Словаря синонимов русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой устанавливаем синонимические ряды для каждого из этих слов. Далее используем в качестве доминантного слова, каждое из слов синонимического ряда. Например, в группе «духовно близкие люди» интуитивно выделяем доминанты *друг* и *единомышленник*, из соответствующего словаря выписываем для них следующий ряд: *единомышленник – сторонник, приверженец*; потом каждый член ряда мы поочередно делаем доминантным: *сторонник – приверженец, поборник, адепт, прозелит*; так мы действуем до полного повторения и замыкания ряда. Составленные таким образом семантические группы уточнялись по «Новому объяснительному словарю синонимов русского языка», составленному Ю.Д. Апресяном, О.Ю. Богуславской, И.Б. Левонтиной и Е.В. Урысон (М., 1995), а также по трехтомному семантическому словарю под ред. Н.Ю. Шведовой. В результате проделанной работы мы получили более 300 слов для обозначения «своего», а *чужой* – практически бесконечный мир враждебных существ (покойников, чужих богов, злых духов, волшебных зверей и т.д.). Характерно, что при этом создающиеся стереотипы «чужого, враждебного пространства» и обитающего там «врага» могут переноситься на реальных соседей данной культуры (чужой этнос или конфессию) и даже на особей внутри собственной культуры.

«Свой» мы называем человека в такой ситуации, когда различия между мною и другим лишены культурной значимости. Например, различия между лысым и пышноволосяным человеком культурно незначимы, а между голубоглазым и черноглазым могут стать культурно значимыми: в Средней Азии *голубоглазый* не может быть признан своим. «Голубые глаза» – ругательство для носителя киргизского, казахского, узбекского языков.

Мы выделяем среди других и считаем «своими» *земляков, сверстников, представителей своей профессии, своего социального слоя* и т.д. Они кажутся нам более близкими, мы надеемся, что именно с ними у нас будет больше взаимопонимания. Основанием для этого является прежде всего культурная общность. «Свой» – это красивый, любимый, свободный и близкий человек. Солидарность со «своими» может сопровождаться настороженностью и даже неприязнью к «чужим».

В политическом дискурсе оппозиция «свой – чужой» может быть приравнена к нескольким оппозициям: «друг – враг», «власть – подданные» и производными от них. Противопоставление «своих» и «чужих» в политическом дискурсе может эксплицироваться как оппозиция различных социокультурных ценностей: «чужой» – это не принадлежащий к культуре / субкультуре говорящего субъекта. Примечательно, что лингвисты выделяют также оппозицию «свой – другой». Модификацией «свой – чужой» в политическом дискурсе может стать оппозиция «мы – эти», где «эти», иногда усиленное обобщающим средством «все», становится маркером чужого.

Интеллигенция России всегда считала: все, что делает власть, аморально, а сопротивление ей, ее осуждение – морально, т.е. люди у власти – это всегда «чужие». О. Мандельштам так выразил идею чуждости и безжалостности власти для русского человека:

*В Европе холодно. В Италии темно.
Власть отвратительна, как руки брадобрея.*

Таким образом, принцип разделения на «своих» и «чужих» в отличие от других существующих оппозиций создается не только объективными данными, но и их субъективным отражением в сознании человека, его культурной, а потому должна изучаться с лингвокультурологических позиций.

Пленарное заседание

ЛИТЕРАТУРА

1. Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М., 2000. – 497 с.
2. Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
3. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. – М.: «Языки русской культуры», 1996.
4. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М., 1997.
5. Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики, М.: Эдиториал УРСС, 2001.
6. Гришаева Л.И., Цурикова Л.В. Введение в теорию межкультурной коммуникации. М.: Академия, 2007. – 336 с.
7. Канчани П. Опозиция «свой-чужой» как прагматическая доминанта политического дискурса. АКД. М.: МГУ, 2007. – 21 с.
8. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.

С.А. Шыдлоўскі

**ДВАРАНСКІ МАЁНТАК БЕЛАРУСІ Ў КАНЦЫ ХVІІІ – ПАЧАТКУ ХХ СТАГОДДЗЯ
ЯК СФЕРА САЦЫЯЛЬНАГА ЎЗНАЎЛЕННЯ ШЛЯХЕЦКАЙ СУПОЛЬНАСЦІ**

Уводзіны. Пад тэрмінам «сацыяльнае ўзнаўленне» разумеецца гістарычны працэс замацавання, капіравання і абнаўлення структурных характарыстык пэўнага грамадства. Сацыяльнае ўзнаўленне адбываецца на трох узроўнях – рэпрадукцыйным, эканамічным і культурным. З пункту гледжання стратэгіі сацыяльнага ўзнаўлення прывілеяванага саслоўя Беларусі канца ХVІІІ – пачатку ХХ стагоддзя дваранскі маёнтак займаў важнае месца. Маёнтак як гаспадарчы комплекс даваў асноўныя сродкі для эканамічнага забеспячэння не толькі фізічнага існавання прадстаўнікоў прывілеяванага саслоўя, але таксама і для іх палітычнага дамінавання ў краі. Маёнтак з’яўляўся асяродкам, дзе адбывалася першасная сацыялізацыя моладзі ў памешчыцкіх сем’ях і закладаліся асновы гістарычнай пераемнасці паміж пакаленнямі [1, с. 46]. Урэшце, маёнтак уяўляў сабой поле рэалізацыі матрыманняльных стратэгий, якія маюць асаблівае значэнне ў сістэме стратэгіі сацыяльнага ўзнаўлення [2, с. 93-94].

Асноўная частка. Маёнтак уяўляўся памешчыкам найбольш адпаведным месцам для выхавання моладзі і завязвання шлюбных хаўрусаў [3, с. 69-70]. Прывабным для патэнцыйных жаніхоў памешчыцкі дом рабіла наяўнасць шматлікай дворні, капэлы, частых танцаў, багатага палявання, блазнаў і прыгожых незамужніх дочак [4, с. 30]. На думку памешчыкаў, у мястэчках і гарадах кірмашы псавалі норавы моладзі, якая на гэтых гандлёвых імпрэзах бавілася картамі і злоўжывала алкаголем, пускалася ў спекуляцыі пры гандлі коньмі. У адрозненні ад прадстаўнікоў памешчыцкага асяроддзя дробная шляхта ахвотна выкарыстоўвала кірмашы для завязвання адносін, што прыводзілі да знаёмства і шлюбу [5; 6, с. 13, 15]. Лічылася, што ў гарадскіх пансіёнах дзяўчынкі выходзіліся як свецкія модныя паненкі, у выніку, ім бракавала разумення абавязкаў вясковай гаспадыні маёнтку. Карысным лічылася змалку вучыць дзяўчат, як абыходзіцца з малочнымі прадуктамі, агароднымі культурамі, кухняй, бялізнай [7]. Многія гаспадыня вялі запісы рэцэптуры, якія перадаваліся ў спадчыну дочкам і ўнучкам. Ад сваіх бабуль, маці, суседак, з кніжак жанчыны вучыліся кулінарнаму майстэрству. Здольныя кухаркі-нявесты вельмі цаніліся [8, с. 26, 66].

«Гарадское выхаванне» складалася з трох кампанентаў: свецкае выхаванне, выхаванне розуму і выхаванне маральнае. Свецкае выхаванне ўключала веданне замежных моў, уменне танцаваць і трымаць сябе ў грамадстве. Пры сямейным выхаванні дзяцей вучылі веры, каралі за ілжывасць і непаслухмянасць, заахвочвалі да шанавання і любові прадстаўнікоў сваёй сям’і, да сціпласці і пачцівасці ў паводзінах з дарослымі. «Старазаконны» памешчык вучыць дзяцей толькі таму, што сам вучыў, асцерагаючыся, каб дзеці не былі разумнейшыя за яго, аргументуючы сваю пазіцыю прыказкай «яйцы курыцу не вучаць» [9; 4, с. 4, 9; 10, с. 240; 6, с. 69]. Па ўспамінах Ф. Карпінскага, бацька павёў яго глядзець на смяротнае пакаранне злодзея, каб перасцерагчы ад жадання браць чужое. Ён не смеў пры бацьку не толькі сядзець без дазволу, але нават стаяць, абапёршыся на сцяну [4, с. 8, 16]. Практыкавалася не толькі пакаранне, але існавала і сістэма заахвочвання. Так, за добрыя паводзіны ці нейкія заслугі дзеці маглі ўзнагароджвацца бацькамі разынкамі і грушамі. Можна сустрэць і праціўнікаў практыкі пакарання дзяцей. На думку К. Тышкевіча, дзецям, якія выходзіліся ў свабодзе, былі ўласцівыя простыя і пачцівыя пачуцці [11, с. 228]. Можна знайсці таксама прыклады бацькоўскай самаахвярнасці, — І. Крашэўскі распавёў аб старым шляхціцы, які ашчаджаў на ежы і вопратцы, каб яго маладыя сыны маглі весці «свецкі» лад жыцця [6, с. 92].

Пры выбары шлюбных партнёраў не заўжды кіраваліся меркантильным разлікам не толькі маладыя, але і іх бацькі. Паводле Ф. Карпінскага, калі да яго сястра пачалі завітаць кавалеры, бацька, сам чалавек небагаты, адмовіў ад дому арыстакрату і абнадзеіваў аднаго з найменш заможных, але